

Институт политических исследований
«Политическая сфера»

Репрезентация Украины в белорусских государственных новостях в контексте войны: анализ словесных рядов в статьях Белта (с ноября 2024 по октябрь 2025)

Юрий Стаковецкий

Введение

Пропаганда невозможна без слова. Пожалуй, странно начинать статью с такого трюизма, но именно слова мы предполагаем исследовать в этом материале. Облик белорусской пропаганды, который сегодня знаком многим, сформировался за два года до начала полномасштабной войны в Украине. Участвуя в войне в качестве соагрессора – относительно косвенного участника – белорусский режим стал активно вводить в повседневность госсми военные и околвоенные нарративы. Весь основной пул пропагандистов включился в работу над общественным мнением на тему российского вторжения. Телеканалы, газеты, youtube-проекты постоянно приглашают в качестве комментаторов российских “экспертов”. Нельзя сказать, что риторика, которую транслирует Москва, и дискурс «агитбригад» срослись окончательно: они оставляют себе пространство для манёвра. И тем не менее, милитаристские паттерны заметны.

В настоящей статье мы проанализируем новости, посвящённые Украине, которые в течение последнего года – с ноября 2024 по октябрь 2025 – выходили на новостном портале «Белорусское телеграфное агентство» – или Белта. Это массив в более чем 5500 статей. В дальнейшем мы постараемся подробно описать механику работы с таким значительным количеством текста, но сперва необходимо сформулировать некоторое количество общих тезисов, важных для понимания того, что вообще представляет из себя белорусское информационное пространство, контролируемое государством, а также сформулировать гипотезу и вопрос, на который мы попытаемся здесь ответить.

Первое, что следует помнить всегда – это то, что в истории политической системы Лукашенко есть водораздел: август 2020 года. Про протесты знают все, кто в принципе интересуется европейской политикой, так что подробно останавливаться на описании тех событий смысла, скорее всего, нет. Значимым для нас на данном этапе является

трансформация пропагандистской машины – трансформация, которая стала ответом на мирные марши несогласных с результатами выборов.

Примечательно, что российская агрессия против Киева каждый раз помогала белорусской автократии выстоять. И разговор даже не про горячую фазу войны, а про период с 2014 года – с момента аннексии Крыма. На фоне интенсификации милитаристской внешней политики Москвы в 2015 году Лукашенко сумел провести самые спокойные для него выборы президента. И та каденция, что завершилась событиями 2020 года, характеризовалась заметным потеплением с Европой и даже частично с США. Эти пять лет между активно развивающимся гражданским обществом и государством действовал условный социальный контракт, который обуславливал более или менее мирное сосуществование двух институтов. Безусловно, поблажки, которые были даны гражданскому обществу в этот период, стали основой для систематизации того протеста, который последовал в 2020-м. И тем не менее, аннексия Крыма и развязывание гражданской войны на Донбассе позволили Лукашенко вздохнуть свободно. Внешним игрокам он активно продавал идею того, что в сравнении с Путиным он ещё не так плох. Кроме того, неплохой темп набрали отношения с Китаем, что позволяло балансировать между Москвой, Пекином и странами Запада. Внутренний политический дискурс в какой-то мере также опирался на идею того, что Лукашенко лично является гарантом независимости – в первую очередь от России. Неспроста все ключевые элементы взаимодействия с Кремлём были подконтрольны администрации президента, минуя профильный, в общем-то, орган под названием МИД.

Государственные СМИ работали, но достаточно пассивно. Независимые новостные порталы вроде tut.by или Нашей Нивы также не были объявлены вне закона. Тот самый социальный контракт в пределе выглядел как молчаливое согласие «не замечать» друг друга. И, конечно, интенсивной государственной пропаганды не было. Впоследствии многие нынешние сотрудники государственных медиа, основные пропагандисты лукашенковского пула, признают такое положение в прошлом стратегической ошибкой, которая могла стоить им власти.

Август 2020 года закончился для политической системы так называемыми опрокидывающими выборами. Обсуждать, насколько Лукашенко проиграл, насколько Тихановская действительно победила, мы также не станем. Те выборы на уровне кристальной юриспруденции были в любом случае фактически сорваны самим режимом. Отказ публиковать протоколы, заблаговременное уничтожение бюллетеней, очевидная рисовка результатов – всё это просто лишает смысла тему законности президентства Лукашенко.

Так или иначе, с опозданием на несколько лет с помощью от Russia Today белорусская государственная агитмашина заработала на пределе своих возможностей.

И это первая очень важная точка, которую мы считаем необходимым обозначить. Лукашенковская пропаганда после 2020 года с точки зрения выживаемости может быть названа «посмертной». Этот термин взят в кавычки не просто так: он всё же не может считаться строго научным. Однако если расшифровать, станет яснее. Дело в том, что дискурс и риторика, которых придерживается созвездие государственных СМИ, являются сугубо реакционными. Тут мы говорим не про результат последовательной и вдумчивой, многолетней работы по формированию и контролю общественного мнения: как раз эту задачу они не выполнили. Активная и агрессивная работа зачастую довольно одиозных спикеров была и остаётся направленной на то, чтобы погасить социальный

пожар. И высокий градус репрессий — в духе «тушить огонь огнём» — средство будто бы более эффективное, нежели постоянные речи с экранов и страниц газет. В период с 2020 по 2022 год, несмотря на все попытки, пропагандисты не были слишком успешны. Однако наступает трагическое 24 февраля, и режим получает новый шанс на умиротворение общества — и снова из Москвы. Война России против Украины стала для Лукашенко счастливым билетом. В «терапевтических целях» он может сколько угодно окружать себя лояльной номенклатурой — что на совещаниях, что во время тщательно подготовленных «выходов в народ», когда на фоне коровников или новых стадионов он произносит речь. Скорее всего, политическая система отдаёт себе отчёт в том, что уровень поддержки Лукашенко далёк от желаемого и уже достаточно давно. Мы не знаем и не можем знать, насколько он был заранее уведомлён о планах Кремля, но в текущий момент, на четвёртом году войны, это не важно. Напротив, значение имеет то, каким образом и насколько эффективно в рамках пропаганды они сумели распорядиться фактом войны. Ровно из этого мы исходили, когда разбирали массив из Белты. Безусловно, нашей задачей не было выявление всех возможных пропагандистских паттернов. Необходимо было обратить внимание именно на то, как тема трагедии в Украине используется пропагандой.

Нужно понимать, что беларусская пропаганда не просто направлена одновременно в две противоположные стороны, но она в какой-то мере рекурсивна. Очень многие нарративы воспроизводятся и дублируются после запуска их в информационное пространство непосредственно Лукашенко. После него пропагандисты подхватывают и дошлифовывают, повторяя одно и то же многократно, пока оно не становится, по выражению Медведева, «отлитым в граните». Однако форму диктует во многом необходимость канализировать пропаганду в направлении самого же Лукашенко. Многочисленные его встречи с беларусскими пропагандистами показывают, что стиль, допустим, Григория Азаренка — одиозный, топорный и оскорбительный по своей природе, почти с матом, часто с криком и переходом на личности, практически всегда — более чем импонирует Лукашенко. Он сам, несмотря на то что часто говорит о своих многочисленных образованиях и опыте работы в разных сферах, очень сложно относится к «высоким материям». Это видно по косвенным признакам, хотя, конечно же, не признаётся напрямую. Обратим внимание на диалог с Александром Дугиным, который транслирует именно нарочитую заумь на лексическом уровне (разбирать содержание в рамках данной статьи мы не станем). И в этом смысле показательны комментарии и реплики самого Лукашенко во время этой встречи: «Когда-то, я скажу грубо, хихикали в России некоторые, я их называю “либерасты”, когда я сказал, что придёт время... когда нам придётся с Путиным стоять спиной к спине и отстреливаться... Любимая моя дисциплина в университете — это философия, и встреча с Вами заставила меня в какой-то степени окунуться в эту философию... и вспомнить ту философию, марксистско-ленинскую, которую я изучал: время прошло, а ничего лучше в мире не создали... сегодня у нас этого нет, и правильно вы где-то там говорили про государственную идеологию, идеологию вообще, и что у нас её нет, — это тоже правда. Мне предлагали море идей, я их все отверг, потому что они не ложатся на душу, на сердце человека...»

Или ещё один пример, который чётко демонстрирует его отношение к интеллектуалам: «И мы потихоньку шли к этим блокчейнам, криптовалютам, дошли до них. И остановились. Я пригласил айтишников: они все плачутся там, в СМИ, вплоть до оппозиционных, — что-то им не хватает. Я собрал их и спрашиваю: ну, вы же яйцеголовые, умные все, чего вы плачете, с чем вы пришли? Смотрят на меня. Вот я вам,

говорю, даю полгода срок: напишите всё, что вы хотите, что вам сегодня мешает работать в Беларуси». Яйцеголовые — что-то из разряда «дворового жаргона».

Здесь читается одновременно и признание заслуг, и некоторое пренебрежение. В этом смысле белорусская пропаганда достаточно многословна. Опять-таки, есть основания усматривать связь этого факта со стилем свободных речей самого Лукашенко, который может проводить пресс-конференцию по 8 часов без перерыва.

Несмотря на стремление доказать обратное, белорусская политическая система не опирается ни на какую последовательную идеологию. Для постсоветских автократий характерно отсутствие чёткой доктрины. Вместо неё людям обычно преподносится коллаж из идей и символов, который может быть одновременно и левым, и правым — в зависимости от конкретной цели высказывания.

Если мы возьмём Советский Союз как пример, можно обратить внимание на то, что на разных этапах политическая система представляла собой идеологически и типологически разные режимы. Времена до Сталина требовали концептуализации и популяризации левого уклона. Культ личности самого Сталина требовал свернуть правее — его автократия была максимально персоналистской. Хрущёвский период уже не характеризуется ни таким уровнем централизации власти, ни столь заметной склонностью формулировать догму.

Белорусская автократия унаследовала некоторые черты ото всех. При том что степень сосредоточенности власти в одних руках чрезвычайно высока (и это видно по отдельным статьям Конституции), идеологической осязаемой основы она не имеет. Отличается и искомый властью консенсус между государством и обществом. Вместо мобилизации — деконструкция социальных связей. Плюс волюнтаризм и, как следствие, последовательный распад экономики с институциональной точки зрения. Выделяемые властью группы по критерию опасности — такие как, допустим, средний класс предпринимателей — также не опираются на надстроенную идею. Ненависть к бизнесу у Лукашенко двойственна: во-первых, это чисто субъективный вопрос. Во-вторых, на уровне системы акторы понимают, что независимая группа рано или поздно воспользуется своей привилегией быть независимой.

Теория

Прежде чем обратиться непосредственно к исследованию, мы должны сказать несколько слов о том, как вообще работает пропаганда. При теоретизации мы опирались на хрестоматийный труд Эллюля «Феномен пропаганды». Безусловно, книга 1962 года не может полностью покрыть нужды учёного в 2025-м. Однако не нужно думать, что общественное сознание трансформируется настолько легко и быстро. Не будем переоценивать влияние технологий на динамику информационного пространства. Средства доставки информации, безусловно, важны. «Радио тысячи холмов» сегодня многолико и пользуется достаточно разнообразным инструментарием, не сравнимым с тем, что пропаганда имела в прошлом. И тут стоит добавить ещё одну мысль. Да, безусловно, пропаганда Лукашенко может казаться примитивной, слишком агрессивной и, вероятно, несколько инфантильной. Однако, как показывает практика, она работает. Когда мы упомянули двунаправленность этого информационного потока, разговор был о популярном выводе, что телевизор в Беларуси работает только на одного зрителя. Он работает на него — это правда. Однако это совсем не означает, что люди остаются в безопасности.

У нас нет и не может быть адекватной социологии. Какие-то опросы существуют, и они даже позволяют делать выводы — как минимум по косвенным данным. Тем не менее, этого, на мой взгляд, недостаточно. Однако там, где бессильна социология, нам может помочь антропология, которая выявляет не частотность, но феномен. Простой частный, расслабленный разговор с людьми даёт нам бесценную информацию. Приведём пример и отошлём читателей к одному очень ценному исследованию, которое провели PSLAB [Public Sociology Laboratory, 2023].

Без статистических замеров серия глубинных интервью позволяет понять, как может выглядеть общественное мнение. Вероятнее всего, наши наблюдения схожего характера будут менее репрезентативны, но смысл в том, что у людей, не связанных с политикой, не являющихся агрессивными сторонниками Лукашенко, попадают тезисы, которые полностью повторяют пропагандистские паттерны, что мы будем оценивать далее. Монография Эллюля даёт нам возможность объяснить, как это происходит. Почему паттерны государственных медиа транслируют люди, которые параллельно с этим заявляют, что Лукашенко — диктатор и что диктатура — это плохо. Что они «не смотрят телевизор и вообще будто бы вне политики». Откуда в диалоге появляется конструкция в духе «репрессии — это плохо, но...», «война — это плохо, но...». [Эллюль, 2008]

В первую очередь необходимо понимать, что такое явление, как пропаганда, невозможно определить какой-то окончательной формулировкой. Чаще всего мы будем говорить о критериях и добавлять новые и новые черты. Старая по меркам сегодняшнего дня монография Эллюля в первую очередь рассматривает пропаганду в режимах XX века, которые были более склонны к тоталитаризму и, соответственно, к мобилизации общества. Эллюль пишет, что основная задача пропагандиста — доходчиво и просто объяснить происходящее в мире и тем самым спровоцировать человека на действие. В 2025 году цели несколько поменялись. Вместо понятной и популистской картины мира агитаторы предлагают сумбурные ответы, часто не связанные между собой. В итоге они хотят не побудить человека к некоему политическому акту, но, напротив, сделать выбор в пользу эскапизма. Тем не менее, Эллюль, когда пишет о действии распропагандированного человека, на самом деле не заблуждается. Просто вместо «действия» сегодня подойдёт термин несколько более общий: «выбор».

По мнению Эллюля, такая мифологизированная пропаганда (а она работает чаще всего именно в опоре на миф), будучи последовательной и непрерывной, запускает в сознании человека (человека социального) некоторые защитные механизмы, как мы видим на примере людей, которые говорят «да, но...». [Эллюль, 2008] Это «но» спасительно для психики и позволяет объекту воздействия попасть в комфортную амбивалентную позицию. «Я против войны, но бывают случаи, когда...» Говоря сейчас не о беларусских манипуляторах, приведём пример формулировки, которую Путин использовал в одной из речей на девятое мая после начала войны: «упреждающий отпор». Семантически фраза выглядит сомнительно, но именно в ней сосредоточена вся символическая суть современной пропаганды. Упреждающий означает, что «на них хотели напасть». Отпор — «что уже напали», хотя и не нападали, потому что нападение упредили. То есть это «ответ на вопрос, который никто не задавал, но обязаны были задать, поэтому мы ответили заранее». Значимо ещё и то, что пропаганда стремится к тому, чтобы человек «исполнял обряды, не задумываясь об их смысле». Ритуалы гражданина в автократии не требуют веры — они требуют бездумности. Небесполезно упомянуть и временной план. Время в пропаганде всегда «ритуализировано». Оно не делится на принятые «вчера, сегодня, завтра» — просто потому, что категории «сегодня» быть не может. Это позволяет транслировать в общество противоположные смыслы последовательно,

исходя из того, что «завтра» вчерашнее будет забыто. В конце концов Эллюль даёт определение, которое мы вполне можем использовать здесь: «пропаганда представляет собой совокупность методов, используемых определёнными лицами с целью подтолкнуть массу психически однородных индивидуумов, входящих в состав некой группы, к активному или пассивному действию с помощью психологических манипуляций».

Из детального описания автора нам потребуется ещё некоторое количество формулировок. Во-первых, важно учитывать, что пропаганда работает не с мыслями, но с чувствами человека. Это закономерно, потому что символизация информации действует на реципиента через узнавание и ощущение, а не через рациональное. Пропаганда — это поток, в котором один из ключевых атрибутов — это постоянная нехватка времени. Ты читаешь, смотришь, слышишь, но не задумываешься над конкретным пассажем — ты считаешь ощущения, заложенные в слова. Именно поэтому мы считаем адекватным использование «словесных рядов» для работы с пропагандой. Сознание фиксирует их безотносительно контекста, а постоянное повторение закрепляет и символ, и реакцию на него. Именно по этой причине пропаганде не нужна идеология — ведь последняя создаёт контекст и некую рамку, то есть связь между «вчера» и «сегодня». Работа пропагандиста — это почти всегда ответ на вопрос «как», а не «что». В этом проявляется и двойственность инструментария: словесные ряды, которые, безусловно, есть в текстах на той же «Белте», несут в себе определённый надстроенный смысл, который не меняется никак в зависимости от содержания текста. И эта неизменность выводит ряд из «что» в ситуацию «как».

Допустим, мы читаем интервью какого-то экономиста на сайте белорусского телеграфного агентства. Он формально касается своей компетенции, но при этом в течение всего текста периодически вставляет оценочные, направленные на личность оппонента слова: «Зеленский сел в лужу», «украинская хунта», «нелегитимный киевский режим» и так далее.

Теперь следует объяснить более детально, что такое «словесный ряд» и как это вообще работает. Пропаганда невозможна без слова. Именно поэтому слово — ровно то, что мы собираемся здесь оценивать. А точнее — так называемые «словесные ряды». По определению — это последовательность слов, словосочетаний или других языковых единиц, объединённых общностью (например, грамматической, семантической или композиционной). Это может быть ряд однородных слов в предложении, последовательность метафор в тексте или целый межтекстовый ряд, образующий художественный образ.

Словесный ряд — это совсем не обязательно слова, идущие подряд. Изначально это литературоведческий термин, и здесь необходимо процитировать Эллюля, чтобы обосновать саму возможность использования этой парадигмы при изучении: «В конце концов пропаганда присваивает себе и литературу, как настоящую, а также и прошлую, и историю, которую переписывают в соответствии с требованиями пропаганды... И пусть не говорят, что это — признак исключительно авторитарных правительств, тоталитарных режимов и тирании. Нет, такое положение вещей свойственно любой пропаганде. По природе своей она прибирает к рукам всё, что может пойти ей на пользу».

Чтобы наглядно продемонстрировать, как работает словесный ряд, обратимся к учебнику «Русская стилистика текста» Горшкова. Далее приведём довольно большой отрывок оттуда целиком:

«Чтобы познакомиться с другими свойствами словесного ряда, обратимся к примерам. Рассмотрим короткий отрывок из повести Е. Носова «Усвятские шлемоносцы»: «— Видать, разгорается не на шутку, — говорил сам себе Касьян, догадываясь, что эти тяжёлые многомоторные чудовища перегоняли к фронту откуда-то из глубины страны. Он никогда ещё не видел таких огромных самолётов. Где-то они таились до поры, как прячутся невесть где до своего массового лёта те чёрные рогатые жуки, которых он сбивал шапкой. И ещё терзала его догадка, что, ежели и такая сила не может побороть врага, который успел заглотить за эти дни столь много от России, стало быть, у него, у немца, и того больше заготовлена сила. Значит, придётся идти. И ему, и всем подчистую...»

Здесь прежде всего выделяется разговорно-просторечный словесный ряд: видать, не на шутку, невесть где, ежели, заглотить, у немца (единственное число в значении множественного: в словесный ряд входит не слово само по себе, а его морфологическая форма), подчистую. Можно выделить и ряд стилистически противоположный, обобщённо назовём его книжным: многомоторные чудовища, из глубины страны, огромных, массового, терзала, побороть врага. Эти наблюдения позволяют добавить к двум ранее названным свойствам словесного ряда ещё два. Мы видим, что слагаемые словесного ряда не обязательно располагаются подряд, одно за другим, или, как ещё говорят, контактно. Наоборот, чаще всего они бывают отделены друг от друга слагаемыми других словесных рядов, то есть располагаются дистантно. Слагаемые словесного ряда могут быть отделены друг от друга иногда целыми страницами, и всё же вместе они образуют в тексте один словесный ряд, выполняющий определённые композиционные функции. Итак, третье свойство словесного ряда — не обязательно непрерывная последовательность образующих его языковых единиц!». [Горшков, 2006]

Методология

Последним и очень важным пунктом теоретической части должно стать описание методологии — от поискового запроса на сайте «Белта» до непосредственно анализа полученных данных. Кроме того, необходимо описать ограничения, которых мы, безусловно, не можем избежать.

Для начала мы собрали с сайта «Белта» массив новостей, посвящённых Украине, за последние 11 месяцев. С помощью ИИ был написан скрипт, который позволяет выгрузить основные материалы из массива в таблицу: дата публикации, заголовок, ссылка. После этого было принято решение ввести систему дифференциации, которая позволила отсеять ложные срабатывания и нерелевантную информацию. Так, из 5000 новостей 1200 были удалены, так как не относились к теме исследования. Это касается, например, статей, где Украина упоминается вне всякого контекста в формате перечисления стран. Например, новость об открытии кинофестиваля «Листапад», где страна названа в списке тех, кто вообще когда-либо принимал участие.

Так как наше исследование сосредоточено в первую очередь на двусторонних отношениях Украины и Беларуси, новости, где Киев упоминается в контексте, допустим, взаимодействия с США или ЕС, также были удалены из общего списка и «ушли» в отдельную таблицу для будущих отдельных работ. Из списка мы убрали также статьи, связанные с внутренней политикой или событиями внутри Украины. Здесь мы заметили одну особенность. Среди релевантных новостей большая часть подана через прямую

речь того или иного спикера. Эта особенность будет учтена в дальнейшем — на стадии практики.

Здесь мы столкнулись с небольшой проблемой: одни и те же комментаторы выступают как по проблематике двусторонних отношений, так и комментируют происходящее в целом. Дело в том, что «Белта» зачастую приглашает человека, называет его экспертом и записывает большое интервью, которое выходит на YouTube целиком, а после расходится на отдельные статьи, которые публикуются в течение нескольких дней после запуска непосредственно видео. В этих интервью участники отвечают на ряд не всегда связанных одной темой вопросов. Среди тех, кто является постоянным гостем видеопроектов «Белта», достаточно много небеларусов. Частично статьи из массива со внешними спикерами мы также вынесли в отдельную таблицу, вырезав их из основного массива, исходя из простого критерия: говорит ли человек об отношениях Беларуси и Украины.

На следующем этапе мы ввели систему тегов для того, чтобы разбить оставшиеся релевантные новости на категории. И здесь мы столкнулись с ещё одним нюансом — а точнее, с группой новостей, которая оказалась самой многочисленной и сложной, — тег «Беларусская пропаганда». Особенность репрезентации через формально релевантных «экспертов» показала сразу несколько вещей. Во-первых, большая часть «профильных экспертов» рассуждает на любую тему, размывая сам феномен экспертности. Во-вторых, за новостями узконаправленными чаще всего стоит пропагандистский нарратив. Первоначально мы посчитали закономерным, что категория «экономика» будет достаточно большой по объёму. На проверку оказалось, что практически все статьи, которые позиционировались в заголовке или по профессии спикера как экономические, являются ретрансляцией заданного заранее агитационного паттерна. Границы между темами выглядят достаточно нечёткими, и это одно из ограничений, так как выбор категории остаётся вопросом интерпретации.

На фоне этого факта было принято решение в настоящей статье сосредоточиться на оценке именно статей, относящихся к тегу «бел. пропаганда». Там получилось 156 материалов. Далее был использован ещё один скрипт, позволяющий собрать все новости по конкретной категории в единый субкорпус текстов в качестве html-файла.

Это помогло быстро и эффективно выполнить очередную задачу: поиск словесных рядов в массиве текста. Внимательное прочтение выгрузки позволило выделить паттерны, которые ассоциировались с характерными словами. Теперь было необходимо составить словари для выделения этих паттернов из массива. Для этого мы вновь обратились к chatGPT, который предоставил код для составления таблицы всех слов в массиве с указанием количества употреблений. Собранный таблицу мы вновь загрузили в систему Colab для дальнейшего приведения в надлежащий аналитический вид. Нам было необходимо удалить «фоновый шум»: союзы, предлоги, служебные слова, частицы. Кроме того, необходимо было привести к единообразию однокоренные слова. Для этого мы запросили у ИИ код, который бы позволил подключиться к словарю и провести лемматизацию — это процесс приведения словоформы к лемме, её нормальной (словарной) форме. Так у нас сформировалась выборка из лексем, которые теперь можно было использовать для составления субсловарей, соответствующих нашим паттернам — словесным рядам. Следующим шагом стал машинный анализ субкорпуса «бел. пропаганда» на частотность употреблений тех или иных слов из заданных рядов, выбранных из общего списка корней. В процессе несколько тематических групп было удалено по причине либо нерелевантности теме, либо низкой частоты употребления.

О выводах мы напишем позднее, в разделе, посвящённом непосредственно анализу. Прежде чем перейти к нему, следует перечислить ограничения данного инструментария. Для начала следует уточнить, что в непосредственном процессе искусственный интеллект участия не принимал. Такое решение обусловлено слишком высоким процентом ошибок, которые этот инструмент потенциально может допустить. Участие ИИ сознательно было ограничено только написанием кода, который имплементировался в отдельной среде. Кроме того, написанный ИИ код был дополнительно проверен опытным разработчиком. В конце концов мы определили следующий список ограничений, которые пусть и присутствуют, но в итоге не делают работу нерелевантной. Многие из них нивелирует сам по себе объём информации, который был подвергнут исследованию. Однако обозначить ограничения всё же необходимо:

1. Зависимость от полноты словарей. Результаты поиска напрямую зависят от того, насколько полно и точно составлены списки триггерных слов и фраз. Если пропаганда использует новые или неожиданные формулировки, они могут остаться вне поля зрения. Это не делает метод бесполезным, но требует регулярного пополнения словарей.
 2. Ручная разработка категорий. Основные паттерны и их словари создавались вручную на основе выборки текстов. Это субъективная стадия: другие учёные могли бы выделить чуть иные акценты. Но именно ручная работа даёт гибкость и делает метод расширяемым — его можно дорабатывать и уточнять по мере появления новой информации.
 3. Автоматический поиск не понимает контекст. Код фиксирует совпадения по словам и фразам, но не различает, используется ли их значение всерьёз, с иронией или в оппозиционной критике. Поэтому после автоматического отбора всегда нужен ручной просмотр (который мы и закладываем как обязательный пункт).
 4. Привязка к конкретному корпусу. Метод был разработан и откалиброван на корпусе новостей государственного агентства БЕЛТА за один год. Его можно переносить на другие госмедиа (допустим, «СБ — Беларусь Сегодня»), но тогда потребуется дополнительная проверка и, возможно, небольшая корректировка словарей.
 5. Ошибки лемматизации. Автоматическая лемматизация (ru morphology2 — библиотека для морфологического анализа и нормализации слов русского (и частично украинского) языка, позволяющая определять их грамматические формы и начальные формы — леммы; — прим. авт.) иногда неверно обрабатывает омонимы, фамилии или англицизмы. Это может давать отдельные ложные срабатывания или пропуски, хотя на больших выборках влияние умеренное.
 6. Ограничения регулярных выражений. RegEx хорошо ловит типовые конструкции, но сложные синтаксические обороты, неожиданные перестановки слов или игра с цитатами могут ускользать. Это требует периодической ручной калибровки.
 7. Количественные данные — лишь первый слой. Частота упоминаний не интерпретируется как сила воздействия нарратива. Мы используем количественный слой как способ сузить корпус и увидеть тренды, а финальные выводы строятся на качественном анализе.
 8. Нет автоматической оценки влияния. Метод фиксирует присутствие пропагандистских конструкций, но не измеряет их реальное воздействие на аудиторию. Это не наша цель, и в условиях автократии в принципе труднопроверяемо.
 9. Динамика во времени пока не реализована. Метод можно расширить для изучения изменений паттернов по месяцам и событиям, но в текущем виде он фиксирует в первую очередь наличие нарративов, а не их эволюцию во времени.
- Анализ словесных рядов Белта и выявление паттернов.

В ходе работы, как мы уже писали ранее, было выделено 7 групп словесных рядов, которые являются постоянно повторяющимися паттернами. Для начала стоит их перечислить.

1. Легитимизирующий статус
2. Противопоставление политиков и населения
3. Скрытая рука Запада
4. Сравнение Украины и Беларуси
5. «Мы всё сделали правильно»
6. Ритуализированное время
7. Оскорбление оппонента

Эта часть работы была проведена вручную на репрезентативной выборке новостей (около 30% от общего массива), после чего написанный скрипт позволил механически дополнить ряды после формализации каждого из них. Самой многочисленной группой оказался набор словесных рядов, условно озаглавленный «легитимизирующий статус», — то, как Белта представляет героев материалов. На 250 новостей и порядка 60 000 слов скрипт выявил 390 объектов, которые можно отнести к данной категории. Наиболее часто встречаются такие слова, как «эксперт», «политолог», «аналитик», — порой по 2–3 раза на одну статью плюс заголовок. Авторы Белта стараются подчеркнуть, что точка зрения комментатора является компетентной. При этом ни у одного из экспертов текст не обнаруживает строгого соответствия с заявленной компетенцией. Так, военные эксперты отвечают на вопросы про внешнюю политику, экономисты рассуждают про фронт и так далее.

Второй важный элемент этого словесного ряда — политический статус или национальность. Часто они идут в связке, как, например, в случае с «поделился подполковник Вооружённых сил США в отставке Дэниел Дэвис». Это предложение повторяется несколько раз, очевидно придавая больший вес высказыванию: человек является представителем США, а значит, «есть на Коллективном Западе разумные голоса». Отдельно следует упомянуть именно тех героев, которые имеют отношение к Украине. Это и журналисты, и блогеры, и, что немаловажно, простые люди (про обычных людей мы поговорим, описывая следующую группу рядов). Важным выступающим для Белты видится бывший премьер-министр Украины Азаров. Кроме того, часто встречаются и различные «оппозиционные политики» из Верховной рады. Но, пожалуй, самый выразительный приём — просто граждане. Украинка, которая переехала в Беларусь, раскрывает реальное положение дел. Этот элемент ряда имеет тесную связь со следующей группой — «Противопоставление политиков и населения». Идея очень простая: есть оторванные от людей элиты, и есть граждане, которые никак не могут достучаться до этих элит. В этот паттерн большой вклад внёс и сам Лукашенко. Один из самых показательных заголовков звучит как: «Президент Беларуси поздравил народ Украины с днём независимости».

Вот текст поздравления целиком — он очень важен для понимания природы этого паттерна: «"Жить рядом в мире и согласии издревле было предназначением белорусского и украинского народов. Близкое сосуществование установило между нашими людьми неразрывные кровные связи, закреплённые совместной исторической судьбой, общими христианскими ценностями и искренней дружбой", — говорится в поздравлении. "Как бы ни тянули в разные стороны внешние силы, Беларусь и дальше остаётся открытой для украинцев, — отметил Александр Лукашенко. — Мы настроены

на взаимовыгодное сотрудничество и конструктивный диалог с нашими южными соседями.

"От всего сердца желаю гражданам Украины найти собственный ответ на сегодняшние вызовы, а вашей многонациональной стране — мирного неба, солидарности и настоящего независимого развития", — подчеркнул глава государства».

Стоит обратить внимание, что это именно обращение к народу, где говорящий использует такие формулировки, как «тянули в разные стороны внешние силы», «настоящему независимого развития». В целом для пропагандистского дискурса в Беларуси характерна идея сакрализации политики с одной стороны (если вопрос касается режима Лукашенко и дружественных стран) и демонизации политики с другой (если мы говорим об оппонентах).

Так, в статье «Украинка рассказала, как изменилась жизнь простых людей после Евромайдана» несколько раз встречаются вот такие пассажи: «Я вообще человек вне политики», «Я человек вне политики, я за веру», «И сейчас фактически люди в Украине выживают», «Украинцы хотят мира, Зеленский просто зарабатывает на войне». Похожие по семантике элементы ряда встречаются и в следующих статьях, особенно посвящённых украинским спикерам. Есть, однако, и европейский паттерн в связи с этим рядом: за него отвечает несколько человек, которые представляются немецкими, польскими или венгерскими экспертами. Они также вносят свой вклад в группу «легитимизирующий статус». Тем не менее мы считаем необходимым отметить, что разделение рядов на тематические группы также является до некоторой степени условным.

Следующая категория посвящена теме «Скрытой руки Запада», мифу о Коллективном Западе и тому, что украинская власть не субъектна, как, впрочем, не субъектны и остальные государства Европы. Есть «кукловоды», которые извне управляют своими «вассалами». Они одновременно и «глобальное зло», и непобедимый внешний враг, — что является моделью явно конспирологической. Идея внешнего врага является для белорусского государства едва ли не одной из самых старых. Эту «карту» Лукашенко разыгрывает как минимум с середины 90-х годов. Закономерно, что в избранном массиве новостей подобные конструкции встречаются более 400 раз. В сцепке с этой группой идёт и ещё одна: словесный ряд, задача которого поддерживать высокий уровень напряжения в формате «мы в кольце врагов», «обстановка на границе сложная» и так далее — более 300 упоминаний в различном контексте.

Кроме того, были выявлены ещё две группы: сравнение Беларуси с Украиной и другая, которая условно называется «Мы всё сделали правильно». В Беларуси ниже коммунальные платежи, есть экономика (в Украине, по утверждению авторов, экономика разрушена полностью), «Минск жил атмосферой праздника спорта, на востоке Украины уже начинало разгораться пламя войны». «Мы всё сделали правильно» связан с этим сравнением, но также этот ряд призван повторно легитимизировать Лукашенко, где он сам преподносится как «мудрый лидер со стратегическим мышлением, который всё заранее предвидел, и поэтому Украина воюет, а у нас тишина, покой и мир». «...в Беларуси меньше кричали про независимость и сохранили её», — заявляет «украинская журналистка Диана Панченко». «И я понимал, откуда всё идёт», «Я понимал, к чему мы можем прийти», «А мы удержались. Мы развились благодаря тому, что мы не отбросили то, что предки до нас сделали» — это только избранные реплики Лукашенко.

Последние две группы — «ритуализированное время» и «оскорбление оппонента». Первая представляет собой попытку концептуализировать происходящее через категорию «времени», которое ритуализируется сознательно. От лозунга «Время выбрало нас», который сопровождает многие выступления официальных лиц и пропагандистов, до «потерпите, не торопитесь» и «Время всё отстроит. Время даст всем оценку. Но нам надо выстоять». При более пристальном анализе этой категории мы обратили внимание на ещё одну ключевую черту. Ритуализация времени идёт в ногу с постоянным упоминанием бога, что на первый взгляд не характерно для режима, лидер которого сам признавал себя атеистом.

«Мы можем не выдержать как государство. Поэтому я делаю всё терпеливо, настойчиво, как Господь нас и церковь учат», «— Стремитесь в это время сделать максимум. Каждый может много. А Господь увидит». Этот уклон в иррациональные аргументы, с одной стороны, может говорить о страхе, с другой — является очень эффективным инструментом, который формирует концепт: «Время — это бог, время всех рассудит, время выбрало нас». В определённой степени это перекликается с нарративами кремлёвской пропаганды, где «русский народ» и «русская армия» — богоизбраны. Это чистой воды манипуляция иррациональным.

Что касается категории «Оскорбление оппонента», её цель является предельно прозрачной. Среди слов в рядах попадаются такие формулировки: «Зеленский — гнида», «америкосы», «нацистские преступники», «Володя Зеленский» и так далее.

Выводы.

Беларусская пропаганда, которая с 2020 года стала заметно агрессивнее и представлена теперь широким спектром спикеров, действительно активно использует повторение нарративов, которые должны исподволь формировать у читателей определённую картину мира, основанную не на фактах, а на иррациональном и эмоциональном. За последнее отвечают ряды, посвящённые богу и времени, эмоциональный накал в повторяющихся алармистских формулировках. Равенство «бога» и «времени» формально должно решать ещё одну проблему: нивелировать страх перед фактом конечности режима (так как по определению любая автократия конечна), который в период с 2020 по 2025 год сопровождается интенсивной деконструкцией институтов и экономики. Антиукраинская риторика направлена главным образом на институт государства и опирается на десакрализацию власти там при сакрализации власти тут. Кроме того, паттерн о коллективном Западе и кукловодах был и остаётся одним из самых основных и также вписывается в концепцию священной и мудрой власти в Беларуси, которая с народом, и дьявольской власти за пределами Беларуси, которая хочет, чтобы «война продолжалась до последнего украинца».

Данная статья кажется полезной именно потому, что, как показывает печальная практика, несмотря на некоторую топорность, местами примитивность и крикливость белорусской пропаганды, она последовательно, навязывая те или иные идеи, оказывает негативное влияние на граждан Беларуси, в том числе на тех, кто в 2020-м году выступил против Лукашенко. Работая на страхе и на иррациональном, пропагандисты, частично понимая, что популярность вернуть уже невозможно, всё-таки находят тропинки к новому «социальному контракту» — значительно менее выгодному, чем тот, предыдущий. Это совсем не значит, что в Беларуси растёт поддержка войны, но это и не требуется. Режиму, как и всегда, нужно, чтобы люди сидели тихо. И постоянный фон показательных репрессий значительно дополняет и насыщает пропагандистский поток, которому белорусы вынуждены противостоять, оставаясь сторонниками мира. Оставаясь на стороне сражающейся против Кремля Украины.

Список литературы

1. Эллюль, Ж. (2008) *Феномен пропаганды*. Москва: Академический проект.
2. Горшков, А. И. (2006) *Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика*. Москва: АСТ, Астрель.
3. Public Sociology Laboratory (2023) *Live Somehow: Everyday Life in the Face of Catastrophe*. Available at: <https://publicsociologylab.com/reports/live-somehow.html> (Accessed: 16 October 2025).